

ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО

В прошлом номере журнала мы опубликовали четыре текста: выдержки из дневников и воспоминаний разных людей [Григоренко, 2024, Галицкий, 2024, Козлов, 2024, Дмитриева, 2024]. Они относятся к разным периодам XX века, их действие разворачивается в разных регионах страны. Один из этих текстов — дневник, остальные — воспоминания. Объединяет эти тексты интерес потомков к прошлому своих семей. Потомки сохранили записи, подготовили их для публикации, часто они являлись инициаторами написания воспоминаний. Так проявляется одна из функций зафиксированной памяти — быть инструментом самоидентификации человека в настоящем через сопричастность с жизнью предков. Жизнью, не выхолощенной до страниц учебника истории или строчек на памятнике, но по-настоящему живой. Но это же является причиной личного отношения публикатора к документу.

Мы предложили высказаться по поводу этих текстов экспертам, работающим с эгодокументами, Кирилла Новикова и Александра Кобеляцкого. Получилась дискуссия о роли и значении таких текстов для настоящего, о многомерности и неоднозначности их интерпретаций. Прошлое никуда не ушло. Мы живем прошлым и в прошлом, поэтому важно не отрицать, не отстраняться, не игнорировать пометы казалось бы минувшего. Позволим прошлому быть рядом, отзовёмся на слова людей, которых давно нет, но которые есть, жизнь которых продолжается в нас. Мы не архивисты, не объективные учёные, не безучастные наблюдатели. Мы современники, носители того искреннего личного знания, которое теплится в семейных историях, продолжает жить в нашем эмоциональном отклике.

Литература

1. Григоренко Т.Д. Ветер судьбы. Главы из книги // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 137–145.
2. Галицкий Б.А. Эвакуация. Дорога от Смоленска до Коканда // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 149–159.
3. Дмитриева Е.К. Музей моей памяти // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 179–191.
4. Козлов А.Л. Дневники: фрагменты о Москве // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 167–178.

К. Е. Новиков

Теплота в холодном пространстве

Кирилл Евгеньевич Новиков — кандидат философских наук, доцент кафедры Международной политики и зарубежного регионоведения РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1, **Электронная почта:** kepovikov@yandex.ru.

Аннотация: Опыт исследования внутреннего мира и художественного кредо советского мемуариста, для которого описание скитаний по огромному и недружелюбному пространству (пассивная Одиссея) в поисках человечности и теплоты становится способом изобразить два портрета — свой и эпохи.

Ключевые слова: советские мемуары, путевые заметки, автобиографический нарратив, советский герой.

Для цитирования: Новиков К.Е. Теплота в холодном пространстве // Пути России. 2024. Т. 2. № 2. С. 37–44.

Жители улиц прячутся в щели,
Жадные двери знают, куда.
Кто тебя слышит, кто тебе верит?
И несут тебя злые поезда.
Спи, солдат.

Леонид Федоров, группа «Аукцион»

Стиль и память

Коллективная память, как следует из названия, — это совокупность общих воспоминаний, разделяемых группой. Общая идентичность народа во многом строится на общих мемах: цитаты из старых фильмов и стихотворений, заученных в школе, имена исторических деятелей, известных певцов и так далее. Общность группы обычно подкрепляется ритуалами: праздниками, минутами молчания, повседневными обычаями — всем тем, что позволяет отличить «своих», отсылая к общему прошлому. Всё это неотъемлемые части коллективной памяти, но она этим не исчерпывается. Существует ещё один пласт, лишённый публичности ритуала или вездесущности мема. Это воспоминания родителей и их родителей, которые становятся частью семейных историй и существуют как через устные рассказы, так и через дневники, мемуары, фотографии, письма и другие документы, что хранятся дома в старых папках или пылятся на чердаках. Коллективность воспоминаний здесь не поддерживается искусственно через ритуалы, она существует благодаря единству их предмета — общего прошлого, которое проживали люди ушедших и уходящих поколений. Семейные предания становятся частью коллективной памяти, когда мы узнаем свою бабушку в воспоминаниях чужой бабушки. Такая память — бесценный источник для историка, поскольку позволяет не только разглядеть детали прошедших эпох, но и реконструировать сознание людей, ставших их свидетелями.

Тексты, представленные в прошлом номере этого журнала, как раз таковы. Это воспоминания людей, представленные в виде мемуаров или художественных рассказов о пережитом. Герои этих текстов находились в описываемые годы в разных возрастных группах — раннее детство, детство, отрочество или юность, но все они были молоды, а описали свой опыт уже в зрелом возрасте. Ни один из текстов не обладает выраженными достоинствами художественной литературы, но это-то и ценно, поскольку отсутствие авторской индивидуальности позволяет лучше рассмотреть структуры коллективного бессознательного. Авторы текстов определённо имеют нечто общее в характере и мировоззрении, например, усидчивость, последователь-

ное трудолюбие и желание поделиться своим скромным опытом с окружающими. Словом, для того чтобы стать мемуаристом, не будучи участником грандиозных исторических событий, нужно обладать особым складом личности, исключающим лень и излишнюю самокритику. Тексты стилистически настолько похожи, что порой можно легко перепутать одного автора с другим:

«Молодая женщина ходила по наймам добывать себе и пятилетней девочке кусок хлеба. Отца нет. В маленьком приисковом посёлке работы нет, беспросветная нужда и безнадежность».

«Я вернулся с вокзала. Мама отдохнула. Я ей говорю: „Испеки чего-нибудь хлебного. У нас есть ржаная мука“. — „Но нет ни дрожжей, ни закваски, ведь ничего сделать нельзя“. — „Да замеси, что будет, и поставь в печку, посмотрим“».

«А если бы снегу теперь. Полное небо снегу. Чтобы летел он хлопьями. Пушистыми и нежными. И под ногами не хрустит — мягко... Ни несчастье, и ни безысходность».

Эти три фрагмента принадлежат трём разным авторам, но читаются как один текст: короткие рубленые фразы, призванные придать словам эмоциональность и выразительность, общий ритм повествования и, разумеется, общее настроение тоски и безнадёжности. В текстах перед нами предстает главным образом соединение двух базовых стилей, усвоенных в советской школе. Во-первых, это язык букваря и учебника по русскому языку, составленный из апробированных штампов: «Солнце светит, но не греет», «Усталые, но довольные мы возвращались домой» и т. п. Тексты изобилуют такого рода описаниями: «В лесу было тихо, только перекликались люди, да время от времени стучали по дну пустого ведра, пугая хозяина леса, медведя, чтобы он подальше уходил», «Достигаем самой верхней точки и замираем: колесо останавливается, и мы тихо покачиваемся. Мне очень страшно и, одновременно, радостно». Во-вторых, это русская литература из школьной программы с её неизбежным «хождением по мукам»:

Есть что-то глубоко гнетущее в каменных колодцах дворов и серых лабиринтах запутанных московских переулков. Что-то ужасающее и безысходное. Похожее на свинцовую рябь петербургских каналов и на мелкие грязно-серые волны блоковской Невы. Ещё хуже, когда гнетёт внутри. Щемит, сосёт. Тоска. Тоска неумолимая и бесконечная.

Разумеется, не все тексты пропитаны некрасовской бытовой скорбью и блоковским экзистенциальным отчаянием. Есть вполне оптимистичные сочинения, как, например, описание детства девочки из

хорошей московской семьи. И всё же перед нами общий стиль поколения, получившего стандартное советское образование и усвоившего связанное с ним представление о хорошо написанном тексте. Это писали думающие и читающие люди, погружённые в общую культурную и социальную реальность. Словом, перед нами действительно открывается окно в коллективное бессознательное людей, чьё детство и юность пришлось на 1910–1950-е годы со всеми тяготами и радостями эпохи.

Пассивная одиссея

Тексты повествуют в основном о путешествиях. Это может быть путешествие в Среднюю Азию в эшелоне с эвакуированными, или сплав по сибирской реке, или прогулки по Москве, но герой так или иначе перемещается в пространстве, причём делает это чаще вынужденно, чем по собственной воле. Пространство это описывается в основном как чужое, холодное и недружелюбное:

«Вдали показался островок, где река раздваивалась. По одному из рукавов плот понесло все быстрее и быстрее. Шум превратился в рёв. Реку зажало меж скал как в колодце. Вода металась, бросалась из стороны в сторону, перекатывая свои бешеные волны через плот... Отчиму удалось повернуть плот и обогнуть страшную скалу. Волны стали утихать, перекат кончился. Это был перекат Людоед. Его никто не переплывал. Он не пропускал никого безнаказанно из вторгавшихся в его владения. Но над ними он смилостивился, хотя без дани не остался. Все, что было на плоту, смыло водой, и ягоды, и вещи».

«Опять стучат колеса. Поезд. На этот раз не дальнего следования. Серпухов — Москва. Помню: на крыше скорого Владивосток — Москва. Тесно, все крыши заняты спекулянтами, ворами или такими же бродягами, как я. Ночами холодно. Холодно так, что выть хочется. Но средство согреться только одно: сжимать и сжимать зубы».

«Поезд двигался медленно, потому что пути были старые, заброшенные. Впереди шел помощник машиниста и проверял состояние пути, а поезд тянулся за ним со скоростью пешехода. К ночи эшелон остановился в длинной лощине. Слева и справа высокие откосы. Темно. Паровоз остановился. Там погасили огонь. По всему составу пробежали люди и предупредили: «Костры не разводить, чтобы было темно». И наш эшелон немцы нигде не бомбили, а эшелон, который шел за нами, разбомбили».

Встреча Сибирской Девочки с чудовищной скалой по имени Людоед кажется фрагментом из «Одиссеи», но коллективный герой здесь, как представляется, далеко не Одиссей. Царь Итаки двигался к цели, которую сам себе поставил, хоть и кружным путем, и время от времени наказывал зарвавшихся чудовищ. Путешествующий герой из советских воспоминаний гораздо более пассивен. Он не едет, его везут. Он лишь уклоняется от грозящих опасностей, если повезёт. Для Студента бродяжничество на попутных поездах — сознательный выбор, но цель — не конечная станция, а само движение, которое описывается как бегство от бессмыслицы и пустоты собственной жизни. Физическое перемещение компенсирует отсутствие социальных перемен:

«Отчего, собственно, мечешься? Оттого, что не живёшь в полную силу, а только какой-то сотой, тысячной частицей себя. Остальное идёт прахом. Пассивно жить не хотим, а по-настоящему активно — не умеем. Отсюда всё и идёт. А надо уметь. Уметь жить по-настоящему активно. Так, чтобы не чувствовалось своего бесплодия».

Самым страшным, разумеется, оказывается путешествие Мальчика, попавшего в эвакуацию. Его поезд медленно движется по воюющей стране, соблюдая правила ночной маскировки, обитатели вагонов разбредаются на каждой остановке, надеясь найти какую-нибудь еду, позади них взрывают мосты, эшелон, шедший следом, уничтожают немецкие самолеты, а впереди — неизвестность. Однако Мальчик рад переменам:

«Я вытащил ключи от нашего дома и забросил их. Ура — мы уже дома не будем жить».

Для него происходящее не трагедия, а большое приключение, и в итоге он получит свою награду — увлекательное знакомство с совершенно новым миром, где тепло, растут удивительные растения, а люди следуют странным обычаям. Но и его, точнее взрослого автора, вспоминающего о путешествии Мальчика, охватывает печаль, связанная с собственным бессилием. Аральское море, часть волшебной страны его детства, где можно было наконец досыта поесть, уничтожено бесхозяйственной властью:

«Потом, через многие годы, благодаря совершенно неправильному подходу к Аральскому морю, желанию завоевать звёзды героев у первых руководителей Узбекистана, Туркестана и так далее, которые хотели во что бы то ни стало повысить урожаи хлопка, стали запахивать огромные новые площади, забирая воду из рек Сырдарья и Амударья, впадающих в Аральское море. В результате Аральское море стало высыхать. Корабли, которые там плавали, сели на мель, погибли. Озеро

невероятно уменьшилось. Люди, которые веками жили за счет рыбы, остались без источника существования. А на оголенном дне лежала соль. Поднялись соляные бури, которые разносились по всему огромному безлюдному пространству. Стали тогда думать, как увеличить подачу воды в это озеро. Придумали посыпать угольной пылью ледники, чтобы больше воды таяло, запутались окончательно и погубили Аральское море. Секретарь Узбекистана Рашидов и другие стали героями социалистического труда. Это уже было при Брежневев».

Советский герой в отличие от Одиссея не пытается вернуться домой, от которого выбросил ключи. Мотив оставленного жилища предков, где было хорошо и уютно, практически отсутствует в текстах, видимо оттого, что особого уюта там тоже не было. Пассивный герой наблюдает смену странных картин и не имеет над ними никакой власти. Счастливое детство Московской Девочки, опасные странствия Сибирской Девочки, мытарства Студента и поездка Мальчика-эвакуанта описываются как наваждение или сон. Осмысления событий не происходит, поскольку во сне невозможно обобщать, можно лишь смотреть на всё новые образы, возникающие из подсознания.

Герой и холод

Одним из постоянных факторов дискомфорта в текстах выступает холод. Даже там, где про него нет ни слова, он как будто присутствует:

«Когда Миша уехал в Севастополь, то его зимнее пальто, купленное на велосипедные деньги, перешло ко мне. А до этого у меня было пальто, которое мы достали с большим трудом. Стояли в очереди, хватали что попало, и схватили демисезонное пальто. Оно оказалось девичьим. Конечно, мне было неудобно, но деваться было некуда, приходилось в нём ходить».

Порой к чисто бытовому, погодному холоду добавляется ощущение социальной изоляции, хотя таковая может иметь разную природу. Сибирская Девочка живёт в глухих местах, Московская Девочка боится рынка, где её обсчитали, Студент ненавидит обывателей, которые пытаются в этом мире жить в своё удовольствие:

«Походил по Москве — рябит в глазах. От показной и ненужной роскоши, от заплывших рож и от двойных подбородков, от приторного смеха довольных мещан и от насквозь продажных лиц торговцев золотом и телом. Рябит в глазах. А в груди кипит злорада: мужик вот

с этими, жирными, тупыми животными, с этими жаждущими наслаждений жизнью и комнатной тишины, мужик вот с этими, тварями будет строить коммунизм?!?»

Разумеется, с людьми, желающими жить хорошо, коммунизма не построить, и от этого у Студента холодно на душе, множатся душевные муки, а текст, посвящённый его страданиям, начинает казаться комментарием к Достоевскому.

Но холод отступает перед теплом человеческих отношений, взаимопомощи и глубокой солидарности людей, попавших в тяжелое положение. Мальчик во время остановки эшелона забегает в сторожку железнодорожника и видит большую семью за обедом — у них на столе целая сковорода жареной картошки. Он хочет обменять картошку на сахар, а его зовут поесть вместе с ними. Он отказывается, потому что не может сам есть, зная, что мать сидит в вагоне голодная. Он будет с благодарностью вспоминать гостеприимство узбеков, которые кормили беженцев пловом, дали им кров и работу. Бывшая Московская Девочка на всю жизнь запомнит любовь своего деда и других родичей. Даже мизантропичный Студент с теплотой говорит о своих товарищах по институту. Сталкиваясь с трудностями, люди держатся друг за друга и изо всех сил пытаются поступать правильно. Показательно, что проявления человеческой солидарности запомнились всем авторам.

В мировоззрении авторов присутствует некоторая двойственность. С одной стороны, они не сомневаются в правильности моральных выборов, которые делали они сами и их близкие, с другой стороны, они сожалеют, что вовремя не научились жить и, возможно, идти на компромиссы с собственными принципами. Особенно это заметно по тексту про эшелон с беженцами. Мальчик ещё долго будет сожалеть, что не поел тогда картошки. На одной из станций красноармеец предложил ему обменять фонарик на новенькие американские ботинки. Мальчик не отдал фонарик, потому что это был подарок друга, а ценности ботинок он тогда ещё не понимал. Ориентируясь на детские ценности, от отказался от выгодного обмена, а фонарик у него позже всё равно украли. Точно так же мать Мальчика не взяла в брошенном магазине два куска сыра, потому что всё ещё держалась за довоенные принципы.

Столкновения ожиданий с реальностью надолго запоминаются. Кинотеатр, в который любила ходить Московская Девочка, снесли, обещали восстановить, но не восстановили. Потом появился другой кинотеатр в другом районе с тем же названием, но он был совсем не похож на старый, Девочка почувствовала себя преданной. На стенах мясного магазина она с удивлением рассматривает схему раздела козлятины, ведь козлятины в продаже никогда не бывает. Зачем же она здесь? Очередной обман? Сибирская Девочка нашла жёлтый камень,

решила, что это золото, и размечталась о кукле и новом платье, а камень оказался самым обыкновенным. Но герои текстов ещё слишком молоды, они мечтают, и мечты помогают преодолеть разочарования. Московская Девочка очень расстроена, что чёрные тюльпаны оказались не чёрными, а фиолетовыми. Но ничего, она вырастет большой, станет ботаником и вырастит настоящие, чёрные тюльпаны. А вот приятель Студента по фамилии Каверин по обыкновению «закроет глаза и станет мечтать о коммунизме». Так могли бы вести себя каверинские персонажи из «Двух капитанов». Уж не наделил ли автор персонажа говорящей фамилией? Мечты, как известно, тоже согревают, и герои рано учатся уходить в себя, выстраивая барьер между собой и холодом внешнего мира.

При всех индивидуальных различиях, люди, описавшие то время, как будто выстраивают один мозаичный текст, складывающийся в портрет эпохи, где бытовые тяготы сочетались с человеческой теплотой, солидарностью и верой в светлое будущее. Огромное, холодное и недружелюбное пространство, по которому скитались герои текстов, стали частью нашей коллективной памяти и, возможно, коллективного сознания всего общества, к которому мы принадлежим.

Kirill Novikov

Warmth in a cold space

Kirill Novikov — PhD in Philosophy, associate Professor, Department of International Politics and Foreign Regional Studies, RANEPА. **Address:** Moscow, Vernadsky Avenue, 82/1. **Email:** kenovikov@yandex.ru.

Annotation: The experience of exploring the inner world and the artistic credo of the Soviet memoirist, for whom the description of wandering through a huge and unfriendly space (a passive Odyssey) in search of humanity and warmth becomes a way to create two portraits — his own and the XX century.

Keywords: Soviet memoirs, travel notes, autobiographical narrative, Soviet hero.